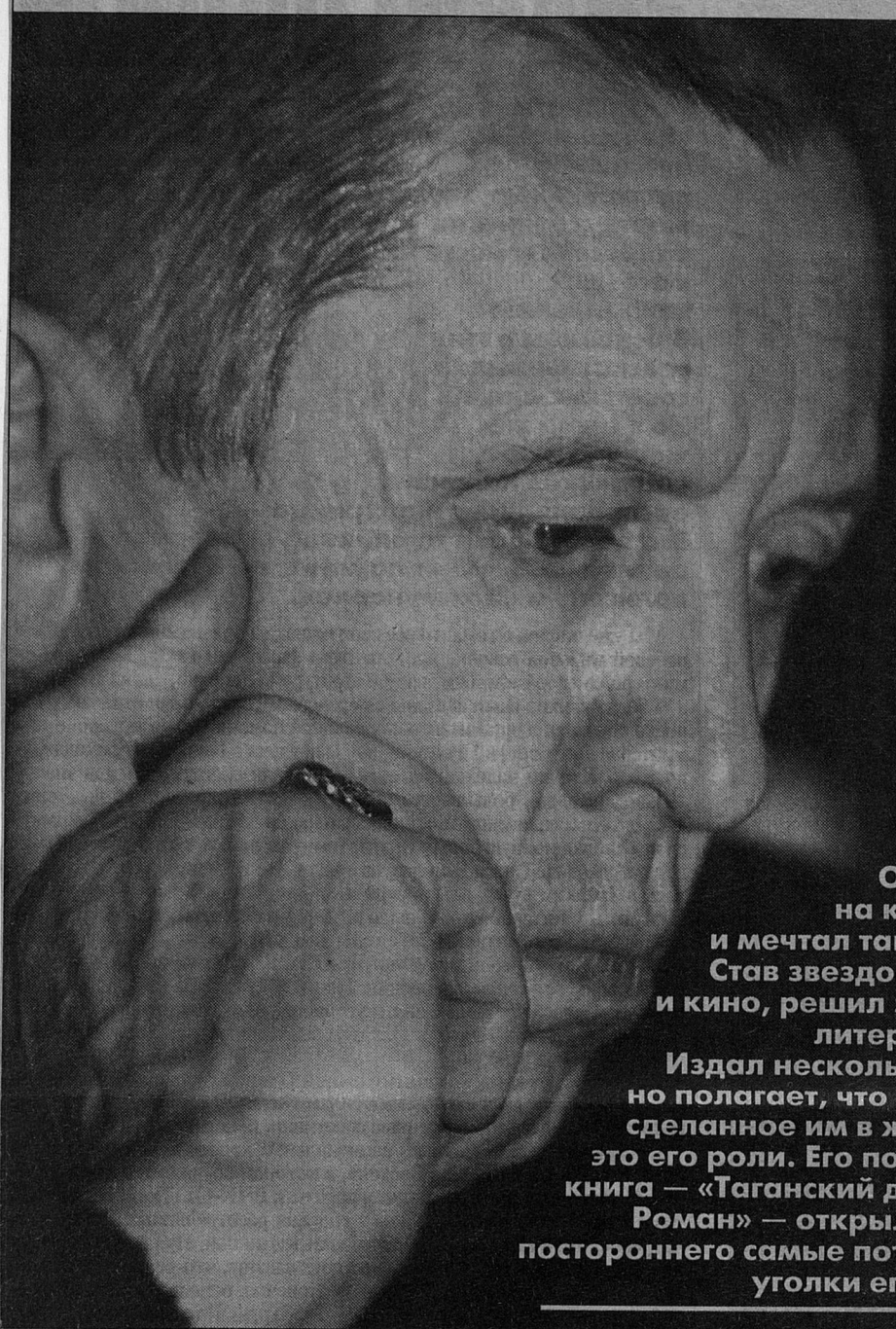

АКТЕР ХОЧЕТ СТРАДАТЬ

Валерий ЗОЛОТУХИН:

Мои дневники не «исповедальный стриптиз» — жизненный опыт одной души

**Он ходил
на костылях
и мечтал танцевать.
Став звездой театра
и кино, решил заняться
литературой.
Издal несколько книг,
но полагает, что лучшее,
сделанное им в жизни, —
это его роли. Его последняя
книга — «Таганский дневник.
Роман» — открыла глаза
постороннего самые потаенные
уголки его души.**

Веста БОРОВИКОВА

— Зачем вы это сделали? — спросила его я.

— Это попытка быть понятым. Потом, после презентации книги, мне было стыдно. Я говорил журналистам одно, они услышали совсем другое. «Исповедальный стриптиз», «Золотухин душевно обнажается»... Какая-то чудовищная вульгарность восприятия! Перебрали в сотый раз историю с Гамлетом... Я начал репетировать роль, когда Высоцкий ее давно сыграл.

Вы приходите ко мне, прочитав мои книги, мои дневники по диагонали или, может, вообще не прочитав ни строчки, и потом пишете чудовищные вещи в ваших газетах. А дневники — это ежедневная работа души. И требуют иного прочтения.

— Вряд ли ошибусь, если предположу, что большинству читателей интересно в них только то, что касается ваших отношений с людьми, чьи имена столь же известны, как ваше. Или даже, скорее, изнанка этих отношений.

— Это сейчас. А через тридцать лет вся эта пена спадет. И останется биография. Моя, театра, страны. Жизненный опыт одной души. Вы хотя бы это увидели?

— Первые и последние страницы написаны совершенно разными людьми. Во всяком случае, людьми с абсолютно разным восприятием жизни.

— Хотя это заметили. И то радуется.

— Знаете, у меня сложилось ощущение, что мотив написания ваших дневников — попытка осво-

бождения от чувства стыда, преследующего вас в жизни.

— Творчество — это вообще компенсация. В моем случае это компенсация застенчивости. Я с детства очень застенчив. Веня Смехов, например, в пору нашей молодости все звал меня — поедим к Слуцкому, поедим к Эрдману... А я не мог. Мне было стыдно навязывать свою персону этим людям. Я теперь, может быть, жалею... Впрочем, я не смог преодолеть своей застенчивости до сих пор.

— Вы? Вы вели себя на презентации как крайне уверенный в себе человек.

— Потому что мы всегда изображаем из себя то, противоположность чего являемся. Наглец прикидывается скромным человеком. И наоборот. Я стараюсь публично не высказывать степень своей робости и уязвленности.

— Вам это удается. Складывается впечатление, что вам все равно, что о вас скажут окружающие.

— Так не бывает ни у кого, кроме гениев. И у гениев не бывает тоже. Бродский говорил: «Если Евтушенко — за, то я — против». Значит, и ему было не все равно.

— Одна знаменитая актриса в интервью сказала, что доминантой личности хорошего актера является ощущение глубокого внутреннего несчастья. Вы с ней согласны?

— Да. Скажу даже, что подсознательно актер хочет быть обиженным. Хочет страдать. В юности я прочитал рассказ Джека Лондона. Он называется «Лишний жир». Суть его в том, что человеку нельзя допускать в себе этого состояния — лишнего жира. Не только физического. Но и нравст-

венного тоже. Я всегда старался держать свое тело и душу в строгости. В чистоте и обостренности восприятия. Избегать сытости. Во всех смыслах этого слова.

— С такой пуританской позицией вам, видимо, приходится ограничивать круг общения?

— У меня всегда был очень ограниченный круг общения. Для меня нормальным состоянием является одиночество.

— Есть кто-то, кто понимал бы вас?

— Единично. Понимание вообще очень сложная вещь. Его ищешь... И не находишь.

**Мы всегда изображаем из себя то,
противоположностью
чего являемся. Я стараюсь публично
не высказывать степень своей
робости и уязвленности**

— Завадский понял вас, когда вы ушли от него к Любимову?

— Я уходил не от Завадского. Я уходил из Театра имени Моссовета. Потому что, пока ты молод, ты должен найти своего режиссера, свой театр. Иначе можешь не состояться в профессии.

— Даже при наличии таланта?

— Даже при наличии таланта. Это страшная вещь, я это видел. Театр Моссовета меня удерживал обещаниями квартиры и прочего, но я готов был играть у Любимова в одних массовках. Лишь бы у него. Я проработал с Юрием Любимовым 37 лет. Было еще четыре года работы с Анатолием Эфросом. Это был талантливейший ре-

жиссер, но я — актер Любимова. Но Любимов бы никогда не дал мне возможность, например, так вывернуть роль Альцеста в «Мизантропе». Этим опытом я обязан только Эфросу.

— Почему вы подавали Эфросу заявление об уходе?

— Из-за ситуации в театре, которая мне не нравилась. Мои коллеги, ушедшие в «Современник», оскорбили Эфроса. Но и реакция Эфроса на их выпад меня не устраивала. Вообще было гнусно. Но Эфрос почувствовал другое. Он почувствовал, что я трушу репетировать роль Альцеста. Он прямо сказал: «Не прикидывайся, Валера. Это просто трусость».

— Вы просили у судьбы чего-то, что она никак не хотела вам дать?

— Никогда. Я никогда не попросил ни одной роли. Я вообще никогда ничего не прошу. Есть такое христианское понятие — смирение. И благодарность Господу.

— А если поменять все, что он вам дал — талант, славу, опыт, профессионализм, — на то, чтобы вам опять было 17 лет и вы уезжали из Быстрого Истока в Москву учиться на артиста? Все — в обмен на молодость?

— Да ни за что. Я доволен своей судьбой. Что было, то было. Это во-первых. А во-вторых, у меня еще ничего не кончено. У меня еще очень многое впереди.

— И вы до сих пор можете позволить себе совершать поступки, продиктованные не прагмой, не рассудком? Только чувствами?

— Что значит могу себе позволить? Я всю жизнь живу только чувствами. Я никогда ничего не делал из соображений рассудка. Потому что чувства обогащают душу. Даже если это страсть.

— Страсть разрушает душу.

— Страсть может разрушить тело. А душу — никогда.

— После страсти в душе остается пустота.

— Не пустота, а пепел. И даже это полезно. Уж вы мне поверьте.

— Хорошо. Сменим тему. Вы много путешествовали...

— Да не люблю я путешествий.

пламенно его отстаивал. А потом — стрелка компаса вернулась в сторону классики. «Капитанской дочке», «Отцов и детей». Хотя по-прежнему считаю, что Набоков — великий писатель. Вообще, если бы я не стал актером, я бы стал писателем. Но это очень трудно совмещать — потому что обе профессии требуют предельной отдачи души. Мне друзья-писатели часто говорят: «Брось ты свой театр! Пройдет время, все твои роли забудутся. А книги останутся». Но я актер, я живу этой профессией. А литература компенсирует то, что не востребовано.

— Вы стали писать, еще когда учились в ГИТИСе?

— Да. Я тогда приходил по вечерам домой, зажигал лампу, клал перед собой чистый лист бумаги и испытывал колоссальную радость. Вы понимаете? Я каждый день писал.

— В дневнике вы пишете, что зажигали свечу...

— Да. Я тогда читался этих великих авантюристов — Лондона, Дорошевича...

— А сами вы не склонны к авантюрам?

— Еще как! Вы знаете, что мой литературный дебют должен был состояться в «Вечерней Москве»? Да-да! Я написал музыкальную рецензию на Первую симфонию Шостаковича и отнес ее в редакцию. И ее чуть не поставили в набор. Но в самый последний момент все-таки показали музыкальному критику Иону Платеку. Ион ее внимательно так прочитал и сказал: «Полная чушь, но написано хлестко».

— Почему чушь?

— Потому что Первой симфонии Шостаковича я не слышал.

— Как же вы тогда написали рецензию?

— Я заработать хотел! Я поспорил со своей несостоявшейся будущей тещей! Она мне сказала, что журналистикой я денег не заработаю никогда. А я сказал — заработаю.

— Проспорили.

— Нет! В «Вечерней Москве» мне сказали: пишишь ты хорошо, но темы не знаешь. Ты пиши о том, что знаешь. И я стал писать о сельском хозяйстве.

— И чем закончилась ваша журналистская биография?

— Попыткой поступления на журфак МГУ.

— Да вы что?

— Серьезно. Я закончил ГИТИС и подал документы на журфак МГУ. А приемная комиссия их завернула обратно. Потому что у меня уже одно высшее образование было. Так я не стал журналистом. Наверное, правильно. Потому что я в журналистику хотел попасть, чтобы стать писателем. Я литератором хотел быть, а не журналистом. Вы знаете, стою я как-то, продаю свои книги. Подходит ко мне один человек. И говорит с теплотой в голосе: «Как хорошо, Валерий Сергеевич, что вы не стали писателем!» Я ему: «Как! Я член Союза писателей! Я написал несколько книг!» — «Да я не о том, — говорит. — Как хорошо, что вы театр не бросили. Что сыграли своего доктора Живаго».